

ПАЦИФИСТСКИЕ ИДЕИ И. С. БЛЮХА В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

В статье исследуется восприятие российскими военными мыслителями межвоенного периода одного из основополагающих трудов отечественного пацифизма конца XIX в. — книги И. С. Блюха «Будущая война в техническом, политическом и экономическом отношениях». Эта работа была выражением взглядов определенной группы лиц, поставившей перед собой цель познакомить широкие общественные слои с современным уровнем развития военной техники и научными гипотезами по поводу характера и особенностей будущей войны в Европе. Данная книга спровоцировала широкую полемику между представителями военной науки и гражданскими мыслителями. Опыт Первой мировой войны во многом подтвердил правильность выводов И. С. Блюха, однако отношение к его идеям со стороны отечественных военных 1920–1930-х гг. продолжало оставаться негативным. Представляется актуальным анализ причин критики и неприятия данной книги военными теоретиками.

Ключевые слова: И. С. Блюх, пацифизм, милитаризм, Первая мировая война, период 1920–1930-х гг.

Иван Станиславович Блюх (1836–1901), российский банкир, концессионер железных дорог, меценат, ученый и деятель международного мирного движения, в конце XIX в. был одной из ключевых фигур пацифизма как направления общественно-политической мысли. Он знаменит теоретической разработкой проблем войны и мира, а также практическими усилиями по воплощению идеалов пацифизма в жизнь. Например, по данным ряда авторов, именно благодаря усилиям И. С. Блюха была созвана первая мирная конференция в Гааге 1899 г. [1, 6]. Вершиной его литературного творчества на этом поприще был фундаментальный труд в шести томах «Будущая война в техническом, политическом и экономическом отношениях» (1898). Общий объем этих томов приближается к четырем тысячам страниц, все они вышли в свет в один год, текст изобилует подробностями из совершенно разных областей военных и научных знаний. Эти и другие факты являются основанием для указаний на коллективное авторство данной работы. Об этом прямо пишет и С. Ю. Витте (1849–1915) в своих воспоминаниях, которые были изданы в полном объеме уже в советское время: «Все его ученые труды писались не им, а писались различными писателями и специалистами за деньги, которые он им платил. Сам же Блюх только составлял, и то с помощью своих сотрудников, программу тех трудов, которые он предлагал издать» [3, 96]. Мнение Сергея Юльевича в этом вопросе нельзя назвать непредвзятым, на что указывает данная им противоречивая характеристика самого Блюха. То последний выступает как «совсем необразованный» мелкий подрядчик [Там же, 94], а то буквально на следующей же странице — как человек «в высшей степени образованный» [Там же, 95] после самообразования в Европе, где он «даже слушал лекции в немецких

университетах» [3, 94]. В дальнейшем «коллективность» «Будущей войны» уже не ставилась под сомнение и в среде военных теоретиков. Однако версия коллективного авторства, во многом негативно повлиявшая на восприятие трудов Блюха в межвоенный период, не только не умаляет ценности и необычности этой работы, но и придает ей новое измерение. Можно сказать, что «Будущая война» стала детищем целого эпистемологического сообщества, группы интеллектуалов, которая, как впоследствии знаменитая группа «Никола Бурбаки», поставила целью продвижение своих идей в определенной предметной области. Как известно, «Никола Бурбаки» — это коллективный псевдоним группы французских (позднее и нескольких иностранных) математиков, созданной в 1935 г. Точный состав и численность группы держались в секрете. Персональный же состав авторского коллектива «Будущей войны» также является интересным предметом для исторического расследования.

Необходимо отдать должное И. С. Блюху за неоднократные попытки вступить в диалог с военными деятелями по поводу природы феномена войны и возможности ее полного устранения. Еще до выхода в свет «Будущей войны» между Блюхом и некоторыми военными теоретиками разгорелась дискуссия по данным вопросам. И эта дискуссия задала общий тон дальнейшего отношения военных к работам российского пацифиста. Например, генерал М. И. Драгомиров (1830–1905) писал в 1896 г. в открытом письме И. С. Блюху на страницах журнала «Разведчик»: «Мы стоим на противоположных полюсах; каждый из нас поклоняется тому, что другой сжигает; понятно, что при таком отношении мнение одного не может иметь особой цены для другого» [6, 977]. Последняя фраза особенно характерна для всего очного и заочного диалога между военными и пацифистами.

В плане критики идей, высказанных Блюхом в работе «Исторический очерк идеи разрешения мирным путем международных столкновений» (впоследствии эта статья вошла в пятый том «Будущей войны» [2, т. 5, 1–51]), Драгомиров отмечает ряд моментов. Во-первых, генерал подчеркивает, что «созидание неминуемо предполагает разрушение; и без разрушения созидание немислимо *в какой бы то ни было области*» [6, 976]. Следовательно, война неустранима как явление разрушения, неразрывно связанное с общественным развитием. Во-вторых, исторические примеры, интерпретированные Блюхом как стремление народов к мирному разрешению конфликтов, могут трактоваться и в обратную сторону. «И все приводимые Вами примеры, если их разобрать мало-мальски внимательно, дают также вывод, по-моему, противоположный Вашему» [Там же]. И наконец, в-третьих, Драгомиров вопрошает своего оппонента: «...неужели вам не приходит в голову, что превращение права “грубой” силы в силу “деликатного” права не уничтожает первого права, а только переводит его в скрытое состояние?» [Там же, 977]. Тем самым, вне зависимости от миролюбивых деклараций, реальная сила государства может заключаться лишь в силе военной. Эти идеи Драгомирова в том или ином виде присутствовали в доводах более поздних военных критиков Блюха.

Другим видным военным теоретиком, кто быстро откликнулся на призыв Блюха к дискуссии, был генерал и военный историк А. К. Пузыревский (1845–1904). Он написал большую рецензию с говорящим названием «Будущая война

в тенденциозном изображении», которая ознаменовала собой другой аспект критики идей Блюха — критики с точки зрения технических аспектов и тактики ведения войны. Прежде всего, он останавливается на разборе идей Ивана Станиславовича относительно влияния современных образцов оружия на характер будущей войны. В первом томе своего труда Блюх выделяет ряд следствий из современного ему уровня развития техники. Развитие ручного огнестрельного оружия привело к необходимости учитывать психологический момент массовой армии. Однако «чувства, характер, ум и воля масс ныне уже таковы, что война становится почти невыносимой и при нынешних ее средствах» [2, т. 1, 74]. При этом все усилия стран по подготовке к войне приводят не к увеличению преимуществ более подготовленного государства, а к разрушительности войны для всех участников [Там же, 201]. На это Пузыревский отвечает не менее подробными техническими выкладками и историческими фактами, опровергающими построения Блюха.

Итог этих рассуждений таков: «как бы оружие не совершенствовалось, пределом для пользования его свойствами прежде всего будут силы человека» [9, 738]. Поэтому «действительные эффекты нового оружия будут далеко не те, какие воображает себе г. Блюх, а потому и все выводы, делаемые им в зависимости от предполагаемых действий нового оружия, или упраздняются, или в весьма значительной степени умаляются» [Там же, 739]. Тем самым А. К. Пузыревский отмечает все основные технические доводы против невозможности войны: современное оружие не сделает войну невозможной, а только изменит ее облик и тактику. Недоумение у Пузыревского вызывают и слова Блюха о роли исторического опыта в представлениях о будущей войне. Генерал подчеркивает, что «исторический опыт составляет не только фундамент всех наших познаний военного дела, но он есть также основа всех мероприятий правительства по организации, устройству, боевой подготовке и прочее вооруженной силы» [10, 755]. Подобное отношение к историческому опыту подвергается Блюхом серьезной критике [2, т. 1, 71], что внесло дополнительный антагонизм в дискуссию с военными.

Если сразу после появления книги «Будущая война» военные мыслители еще пытались опровергать многочисленные технические несуразности данной работы, очевидные для действующих офицеров, то в межвоенный период на подобные «мелочи» мало обращали внимания. На первый план выходит другой своего рода парадокс восприятия сочинения И. С. Блюха — мнение военных теоретиков о научности этой книги. Наиболее показательным здесь является пример Андрея Евгеньевича Снесарева (1865–1937), одного из видных представителей отечественной военной мысли, в чьих взглядах прослеживается преемственность с классическими образцами русской военной теории второй половины XIX в. Он дал далеко не лестную оценку труда Блюха. Обычно сдержанный в выражениях, Снесарев не поспешил на уничижительный тон: «Только в России могла найти себе приют и поощрение такая компиляторская мазня — невежественная и нескладная, — как шеститомное творение И. С. Блюха “Будущая война”, а почему? да только потому, что она всеми неправдами старалась доказать, что война, во-первых, дело в высокой степени мерзкое и что, во-вторых, она в будущем должна прекратиться по целой сотне мотивов, которые старательно вымучивал из своей

банкирской головы почтенный автор и которые блестяще фактическим издательством были разбиты в минувшую великую войну 1914–1918 годов» [12, 190].

Основная претензия к труду Блюха — отсутствие научности, предвзятость, резонерство. Генерал с боевым опытом, Снесарев оставляет совершенно без внимания все те моменты, которые сегодня вызывают наибольший интерес читателей в «Будущей войне». Многочисленные предвосхищения форм и методов ведения войны, которые были реализованы во время Первой мировой войны, описания воплотившихся впоследствии бедствий и ужасов новой войны, технические подробности развития вооружений не стали для Снесарева чем-то достойным внимания. Не гениальной и пророческой, а скучной и бестолковой представляется эта книга в глазах профессионального военного. В качестве примера Снесарев разбирает и последовательно критикует попытки Блюха использовать методологический аппарат социологии и статистики для анализа проблем войны.

Если учесть, что социология войны довольно активно развивалась в России уже в конце XIX — начале XX в. и военными был наработан определенный опыт исследований в этой сфере, то оказывается очевидным, что критика Снесарева проистекает скорее из различия понимания задач социологии войны военными и гражданскими специалистами. Это можно проиллюстрировать одним показательным примером. Исследования сугубо гражданского ученого-социолога П. А. Сорокина подводят к выводу о пагубности войны для общества. Сам факт начала войны говорит о серьезном кризисе в обществе, ведь непременным условием возникновения войн и революций является «дезинтеграция религиозных, моральных, юридических и других ценностей данного общества (в случае революции) или обществ (в случае войны)» [13, 225]. Тогда как опыт социологических исследований генерала Н. Н. Головина во многом говорит об обратном. В одной из своих работ 1909 г. он пишет: «...война является тем орудием природы, посредством которого развитие человеческого общества направлялось по тому пути, по которому оно прошло от быта дикаря до современного состояния цивилизации» [4, 158]. Такое кардинальное расхождение в выводах касательно одного и того же предмета изучения по сути делало невозможным диалог между военным и гражданским направлениями социологических исследований феномена войны, что ярко проявилось в случае с И. С. Блюхом. При этом можно констатировать большую схожесть методологии, так как обе стороны учились на одних и тех же классических социологических трудах.

Менее эмоциональным, но не менее негативным было отношение к Блюху и других русских военных мыслителей межвоенного периода. И, что показательно, в этом вопросе были единодушны как советские «военспецы», так и активисты русской военной эмиграции. Так, например, генерал П. Н. Симанский (1866–1938) еще в своей довоенной книге-рецензии «Ответ г. Блюху на его труд “Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях”» (наверно, самом объемном разборе «Будущей войны») подчеркивал главный, на его взгляд, недостаток труда Блюха: «Не усвоив сущности военного дела, не поняв тайн военного мира, а между тем строя свои доводы исключительно на разборе военных явлений, он дал нам ряд ложных и ошибочных мыслей,

своею резкой неправильностью бросающих тень и на остальные, может быть, правильные и логичные выводы» [5, 32].

Уже будучи в эмиграции, генерал Симанский вновь возвращается к критике своего старого оппонента, уже с учетом вновь накопленного исторического опыта. Он иронически замечает, что Блюх «указывал на Америку как на ту страну, которая умеет достигать всех стоящих перед нею задач, не обнажая давно заржавленного меча. Он выпустил свою работу в мае, а в июле того же года, как бы опровергая его выводы, та же Америка из-за плантаций на Кубе объявила войну древней Иберии» [11, 51]. Таким образом, идея Блюха о возможности мирного отстаивания государственных интересов была отвергнута самой историей.

Другим представителем русского военного зарубежья был полковник А. А. Зайцов (1889–1954), который упомянул Блюха уже в связи с двумя мировыми войнами. Для него абсурдной и дважды опровергнутой оказалась идея русского пацифиста о финансовых ограничениях войны. В томе 4 «Будущей войны» тот писал, что «как только война будет объявлена, произойдет сильное понижение биржевых цен всех государственных, коммерческих и промышленных бумаг, а процент учета возрастет. И чем большее развитие в данной стране имеют промышленность и торговля, тем значительнее окажется число несостоятельств» [2, т. 4, 7]. На это Зайцов отвечает в безапелляционной манере в статье 1954 г.: «В самом конце XIX столетия некий банкир Блюх, завербовав целый ряд военных специалистов, написал объемистый труд, доказавший невозможность войны... по финансовым соображениям. Теперь это кажется просто бредом сумасшедшего даже после 1914 г., не говоря уже о 1939-м» [7, 353].

Подобная опора на опыт двух мировых войн добавляет убедительности аргументам Зайцова. По мысли этого автора, экономика не препятствует войне, а, наоборот, является ее основной движущей силой. Эта сила важна настолько, что в традиционную связку политики и стратегии в деле управления войной должна включиться экономика. При этом «только в сочетании политики, экономики и стратегии и лежит путь руководства ведения современной войны. Да еще, пожалуй, экономику и политику теперь нужно поставить впереди стратегии. Значит, нужен какой-то коллектив, в котором все три ветви должны быть координированы. Кто и как этим коллективом может и должен руководить — большой вопрос. И, как будто, все больше и больше это руководство переходит к экономике» [Там же, 353–354]. Иначе говоря современная экономика и финансы сделали возможной и современную войну. В этом парадокс самого пафоса пацифизма в версии Блюха: предлагая активнее привлекать к разработке проблем войны гражданских специалистов и ученых из области социологии, психологии и экономики, он тем самым способствовал формированию облика современной войны.

Очевидно, что подобная негативная реакция на этот труд со стороны военных специалистов заранее принималась в расчет автором (или авторами) «Будущей войны». Тем более что обилие технических подробностей говорит о том, что для написания данной работы привлекались и военные специалисты. Основной упрек в сторону военных звучит почти как известный афоризм, что генералы всегда готовятся к прошедшей войне. И. С. Блюх указывает на то, что их «общие суждения

делаются на основании исторических справок и представлений о прежней войне» [2, т. 1, 71]. Высокомерное отношение военных к идеям гражданских авторов было четко отражено, правда уже постфактум, и наиболее талантливими и глубокими военными мыслителями. Например, выдающийся отечественный военачальник и военный теоретик Борис Михайлович Шапошников (1882–1945) в своем труде конца 1920-х гг. «Мозг армии» сетует: чтобы воспринять предостережения о характере и продолжительности будущей войны со стороны штатских специалистов, «генеральный штаб должен был бы перестать быть тем, чем он был, — замкнутым и кастовым военным органом. На такое превращение генеральный штаб был не способен, да никто и не стремился его перевоспитывать» [14]. И далее: «Германский генеральный штаб может утешаться, что и остальные “мозги армий” также отличались консервативностью во взглядах на характер будущей войны и не шли на сделанные им “штатскими” людьми предложения по причинам сохранения тайны» [15].

Вообще, Борис Михайлович среди военных теоретиков межвоенного периода отличался наиболее сдержанной по отношению к Блюху позицией. Он обращается к анализу идей Блюха в XII, XV и XVI главах первой книги своего труда. При этом параграфы в этих главах имеют очень характерные названия: «Пророчество Блюха о причинах прекращения мировой войны» «“Пророчества” Блюха о будущей войне» и «Характер будущей войны». Хотя он и считал Блюха только «вывеской» [14], к экономическим выкладкам его труда отнесся достаточно серьезно. Вся «Будущая война» для него, по сути, большое «пророчество», но только не в случае с выводами об экономических факторах будущего конфликта. Шапошников писал: «Мы не верим во всевозможные “пророчества”, и приведенное выше суждение экономистов о характере и продолжительности будущей войны относим исключительно к продуманному учету экономической силы и ее влияния на войну» [15].

Другим важным пунктом согласия Шапошникова с Блюхом является необходимость привлечения гражданских специалистов к подготовке к войне. Советский генерал писал следующее: «Может быть, читающему наш труд вспомнится Блюх с его советами до мировой войны о привлечении к работе в подготовке войны видных экономистов и социологов. Если в те времена “военные” не хотели допустить “штатских” к делу обороны страны из боязни разглашения военной тайны, то ныне, как видим, такое вхождение признается не только желательным, но даже и обязательным» [16]. Это, возможно, самая высокая оценка выводов И. С. Блюха во всей отечественной военно-теоретической литературе межвоенного периода.

Сам Блюх, похоже, и не надеялся привлечь на свою сторону профессиональных военных, особенно из высокопоставленных, которые зачастую и были выразителями наиболее консервативных взглядов. Поэтому для утверждения идей всеобщего мира необходимо обращаться не к профессиональным военным, а к народным массам. Последние, однако, не обладают видением всей картины развития вооружений и последствий этого. Поэтому «Будущая война» буквально насыщена разного рода техническими подробностями с описанием возможных последствий применения новинок вооружения. Результатом просвещения масс

в этом отношении должно стать снижение темпов развития милитаризма и шовинизма в общественном сознании [2, т. 2, 317]. Хотя на момент написания книги полная победа над системой милитаризма была еще невозможна, чему препятствовали существование закрытого военного слоя, воспитание масс в агрессивном духе и многое другое [Там же, т. 6, 229–236]. Именно чтобы переломить это настроение общественного сознания, была написана эта книга.

Подытоживая сказанное, необходимо отметить, что диалог между пацифистами и военными в конце XIX — первой половине XX в. так и не состоялся, хотя итоги Первой мировой войны создали необходимую почву для таких контактов. На многих мыслителей война оказала отрезвляющее воздействие. Сам Блюх не дождался подтверждения своих основных идей. Возможно, к счастью для него, ведь в случае с прогнозированием всемирных бедствий лучше оказаться неправым в своих предположениях. Кроме того, «пацифизм, особенно отечественный, был как бы запретной темой в течение десятилетий существования советской власти» [8, 28]. Обе стороны в полемике в межвоенный период продолжали говорить на разных языках. Были разбиты как мечты о вечном мире между просвещенными нациями, так и надежды на скоротечные войны для быстрого разрешения противоречий между государствами без значительного ущерба для экономики. Однако и «пацифисты», и «милитаристы» проявили в спорах большое искусство убеждения, отшлифовали свои доводы и методы их донесения до широкой общественности, выработали определенные формы коллективной научной работы в целом ряде областей научного знания.

---

1. *Dungen P.* The Making of Peace: Jean de Bloch and the First Hague Peace Conference. Los Angeles, 1983.

2. *Блюх С. И.* Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях : в 6 т. СПб., 1898.

3. *Витте С. Ю.* Воспоминания : в 3 т. Т. 3 : Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894). Л., 1924.

4. *Головин Н. Н.* Естественный отбор и социальный подбор в общественной жизни // Наука о войне : избр. соч. М., 2008.

5. *Гусева О. Г.* Эволюция взглядов военных мыслителей России на войну как общественное явление: Последняя четверть XIX — первая четверть XX века : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2003.

6. *Драгомиров М. И.* Открытое письмо г. Блюху // Разведчик. 1896. № 316. С. 976–977.

7. *Зайцов А. А.* Новые веяния в военном деле // Российский военный сборник. Вып. 16. М., 1999. С. 343–354.

8. *Павлова Т. А.* Исторические судьбы российского пацифизма // Вопр. истории. 1999. № 8. С. 28–42.

9. *Пузыревский А. К.* Будущая война в тенденциозном изображении // Разведчик. 1898. № 410. С. 737–740.

10. *Пузыревский А. К.* Будущая война в тенденциозном изображении. Продолжение // Там же. № 411. С. 755–756.

11. *Симанский П. Н.* Фронтом к прошлому // Российский военный сборник. Вып. 16. С. 49–54.

12. *Снесарев А. Е.* Философия войны. М., 2013.

13. *Сорокин П. А.* Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. СПб., 2012.

14. *Шапошников Б. М.* Мозг Армии : в 3 кн. Кн. 1. М. ; Л. : Гос. из-во. Отд. воен. лит., 1927. Гл. XII [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/science/shaposhnikov1/12.html> (дата обращения: 02.01.2018).

15. *Шапошников Б. М.* Мозг Армии : в 3 кн. Кн. 1. М. ; Л. : Гос. из-во. Отд. воен. лит., 1927. Гл. XV [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/science/shaposhnikov1/15.html> (дата обращения: 02.01.2018).

16. *Шапошников Б. М.* Мозг Армии : в 3 кн. Кн. 1. М. ; Л. : Гос. из-во. Отд. воен. лит., 1927. Гл. XVI [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/science/shaposhnikov1/16.html> (дата обращения: 25.02.2018).

Рукопись поступила в редакцию 9 января 2018 г.